

DOM ТЪМЫ

ДОМ ТЬМЫ

Читайте в серии:

Та, что приходит ночью

Новые истории совсем скоро!

Дельфина Бертолон

ТА, ЧТО ПРИХОДИТ НОЧЬЮ

Москва
2021

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б52

Delphine Bertholon
Celle qui marche la nuit
© 2019 Albin Michel Jeunesse

Бертолон, Дельфина.

Б52 Та, что приходит ночью / Дельфина Бертолон ; [перевод с французского Е. А. Муравьевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 224 с. — (Дом тьмы).

ISBN 978-5-04-112392-5

Парню по имени Мало Монестье 15 лет. Ему приходится переехать с родителями и младшей сестренкой Жанной из шумного Парижа в богом забытое захолустье. Теперь все они будут жить в просторном собственном доме, выходящем окнами на лес. Но что-то с этим домом не так. Дом под соснами как будто следит за Мало. Жанна кричит по ночам и рассказывает о новой подруге по имени Полина. Но ни в Доме под соснами, ни на много километров вокруг нет никакой Полины, они здесь одни. Тогда Мало решает выяснить, что происходит. И раскапывает жуткую историю о том, что 30 лет назад в этом самом доме бесследно пропала девочка по имени... Полина! Что, если призрак Полины просит о помощи? Что, если она не просто заблудилась в лесу?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Муравьева Е.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-112392-5

Благодарности:

Карин ван Вормхудт, Перрин Параго, Мейлис де Лажюге — издателям-вдохновителям;

Оскару Новату, Рите Мерль, Марни Аббу, Мари Броше, Натали «Шевалье» Кудер — первым читателям, взрослым и не очень!

Бенжамену Эггу за фотографии Кабриера и его географические данные.

Всем, кто помог мне с решением сложного вопроса о сроке давности. Особенно Беренжеру Пейра, Джессике Ферон и Саре Хаддам.

Стивену Кингу — и его кошмарам!

**Пятница, 7 июля 2017 г.,
22 часа 31 минута.
Дом под соснами**

Два дня как мы переехали, а уже тоскливо. В школу ещё не скоро, делать нечего, и скука смертная. Поговорить не с кем, поэтому начну писать в этой тетради. Она большая, толстая, в кожаной обложке. Тяжёлая, как кирпич, такая колдовская книга. Тётя Агата подарила её мне 21 мая на пятинадцатилетие.

Она сказала:

— Я знаю, как трудно расставаться с друзьями. Но, может быть, ты будешь описывать здесь свою новую жизнь, и это тебе поможет?

Я обожаю тётушку, но в тот момент эта идея показалась мне совершенно дурацкой. Вести дневник — что я, девчонка?

Однако я ошибался.

Давайте для начала вернёмся немного назад.

Однажды в марте, дождливым вечером, папа вернулся домой и принёс, как он сказал, «хорошую новость». В это время я сражался на компе

с огромным мутантом и был так увлечён побоем, что у меня, что называется, в одно ухо влетело, а из другого вылетело. Мои пальцы так и бегали по клавиатуре, я был просто машиной для убийства.

Я победил — game over!

Я буквально заорал от радости, а потом поставил игру на паузу, чтобы насладиться победой. Я схватил то, что папа называет «мускулятор» — эспандер, такую маленькую штучку для тренировки пальцев, с клавишами как у саксофона, но на тугих пружинах — чтобы их нажимать, приходится напрягать всю руку. Папа пользуется им каждый день — он гитарист, музыкант и преподаватель игры на гитаре. Он разрешает мне брать эспандер, если я обещаю играть в компьютерные игры не больше часа в день. Я не возражаю — мне есть чем ещё заняться.

Ладно, я отвлёкся.

Итак, я болтался в гостиной, сжимая эспандер, Жанна смотрела на планшете «Снежную королеву», как обычно в пятницу вечером, — скажу честно, слушать всё время «свобоода, свобооода!» — это просто застрелиться! Всё было так хорошо... И вдруг папа — с Софи под ручку, с таким торжествующим видом, что куда там Ди Каприо с его «Оскар»!

— В лотерею выиграли? — спросил я не задумываясь.

Папа слегка отстранился от Софи.

— Почти!

— Почти в лотерею не выигрывают. Или выигрывают — или нет.

— Выиграли, — ответил он радостно. — Я наконец получил место в штате школы искусств в Ниме!

От разочарования я уронил эспандер. Только что я видел себя мчащимся по Флориде в открытом «Порше» с двумя глушителями, рядом со мной подружка (когда у меня разыгрывается воображение, я представляю, что мне не пятнадцать лет, а двадцать).

— Всё определено, подтверждено, — объявил папа, — как я и сказал: это хорошая новость!

Мой мозг наконец ухватил «хорошую новость» своими клеточками, установил связи, и в них просматривалось нечто совершенно ужасное.

— Но... придётся же переезжать?!

При этих словах Софи расплылась в улыбке.

— Да, Мало. Наконец-то мы уедем из Парижа!

Моя мачеха — «дочь юга», как она любит повторять, и терпеть не может столицу так же, как я сельдерей, если это можно сравнивать. Я повернулся к младшей сестре, надеясь хоть у неё найти сочувствие. Но Жанне всего пять лет: Париж, Ним или Тимбукту — ей без разницы, если любимый планшет с собой.

Вот так в середине июня, не успел я и глазом моргнуть, квартира на авеню Боливар, которую я так любил, стала понемногу пустеть. Везде громоздились коробки, и больно было видеть, как моя вселенная исчезает, словно в огне. Однажды днём, когда компьютер уже был упакован, я взял скейт и пошёл подышать свежим воздухом.

Ну, это только так говорится — свежим воздухом...

Жара была адская, тридцать три градуса в тени, можно было просто испечься живьём. Я отправился в парк Бют-Шомон, где договорился встретиться с Попо, моим лучшим другом ещё с детского садика. На самом деле его звали Поль, но прозвище появилось у него давным-давно, да и вообще он был не из удачливых, так что кличка сохранилась... Но я же не зверь: чтобы не позорить его, я всегда называл его Поп при людях. Это ему прекрасно подходило: он любил поп-музыку, поп-арт и попкорн, да и вид у него был соответствующий.

Подходя к озеру, я сразу увидел приятеля, хотя народу было полно. Его трудно не заметить: лохматые чёрные волосы, ярко-жёлтая футболка, штаны с надписью «Лихтенштейн» и кроссовки в шахматную клетку. Он стоял, прислонившись к перилам, с хмурым видом, рядом стоял скейт.

— О Мало, наконец-то! Я уже лишних двадцать минут торчу в этой духовке!

— Да, я знаю, извини, — я хлопнул его по ладони, — это всё из-за переезда...

Как только я это произнёс, его обычно жизнерадостное лицо помрачнело.

— Пойдём выпьем чего-нибудь холодного? — предложил он, вытирая пот со лба. — Я уже готов в озеро прыгнуть!

Мы спустились к Бельвилю на скейтах, и это нас чуть не доконало. Красные и мокрые от пота, мы взяли колу со льдом. Мы пили молча, чтобы прийти в себя, и тут Поп поморщился.

— Никак не могу поверить.

— Во что?

— Что ты сваливаешь... Уезжаешь на другой конец Франции...

Я покачал головой:

— Да меня это тоже не радует. Я парижанин до мозга костей, как говорит мой дедушка. И скоро окажусь где-то в глуши!

— Да ладно, Ним — не такая уж и глушь!

— Поп, — вздохнул я, — ничего ты не понимаешь.

Я торжественно достал телефон, как будто он был неопровержимым доказательством преступления, которое совершали мои родители.

— Мы не просто переезжаем на юг, мы переезжаем в заброшенный домишко в шести километрах от ближайшей деревни!

Я стал показывать фотографии, которые прислал мне папа, когда подписал договор о покупке. Он написал, довольный: «Покажи друзьям!»

Да уж...

Сначала мы собирались снять квартиру в центре города, но Софи откопала этот дом, день и ночь просматривая объявления. «Сделка века», по её словам, хотя нужно было кое-что подремонтировать. Моя мачеха всегда могла уговорить папу: он любил мастерить, и возможность наконец стать владельцем собственного дома его очень вдохновила. Я часто слышал, как он жалуется, что в Париже ничего купить невозможно, за миллион лет не накопишь... На эту покупку ушли все средства — и вот я теперь попаду в эту дыру.

Поп взял у меня смартфон, увеличил фотографии и вдруг весело воскликнул:

— Ну и развалюха!

— Вот именно, и не над чем тут смеяться.

— Там же есть сад, — сказал он, словно извиняясь, — выглядит шикарно. Там можно поставить стол для пинг-понга и всё такое... Я буду тебя навещать!

Я знал, что он говорит правду. Но я знал также, что сначала мне придётся обходиться без

него, без Попа, который всегда был рядом со мной... Это грустно. Я подумал, что хорошо, что у меня нет подружки: потерять двоих близких сразу — это было бы слишком.

Пятого июля, когда мы приехали в Дом под соснами, лило как из ведра. Словно дурное предзнаменование, ливень начался, как раз когда мы свернули с шоссе. Буквально за две секунды горизонт почернел. Ещё несколько минут назад небо было синее, как сумка из Икеи, и на тебе! Потоп, апокалипсис! Чудовищные тучи разинули пасти и выплюнули на землю тонны воды. По крыше машины словно гремела картечь. Ливень постепенно превратился в град размерами чуть ли не с мячик для гольфа. Папа переживал за кузов, Софи за лобовое стекло, Жанна плакала, прижимая к себе куклу, словно хотела задушить её.

Итак, мы приехали под проливным дождём. Было всего четыре часа, но казалось, что уже ночь. На тухлявой деревянной вывеске было написано: «Дом под соснами». Она раскачивалась и зловеще скрипела на ветру, как в романах Стивена Кинга. Кованые железные ворота в завитушках возникли перед нами. Мы с папой вышли и с трудом их открыли. Створка была очень тяжёлой, и пока мы возились, промокли до костей. Открыв ворота, мы поспешили спрятаться в машину.

— Надеюсь, вы не простыли до смерти, — проговорила Софи на полном серьёзе.

Папа завёл наш старенький «Опель Корса» и двинулся по длинной дорожке, обсаженной деревьями. Это была не величественная аллея, а грязная ухабистая грунтовка. Через пять минут мы наконец прибыли к тому самому Дому под соснами, несуразной постройке из серого камня. По двускатной крыше радостно неслись потоки воды. Софи назвала это «прованский домик». Мне же в тот момент показалось, что это дом из фильма «Психоз» — такой враждебный вид был у него под проливным дождём.

Внутри уже поработали грузчики: все наши вещи были свалены в огромной комнате, которая мне сразу не понравилась.

Это главная комната, которую Софи, любительница всего старинного даже в языке, назвала «гостиной». Комната была обшита деревянными панелями, была громадной и в то же время вызывала клаустрофобию. Она походила на гигантскую клетку, построенную для обитателей психушки. В ней было всего два окна, с опускающимися рамами, так называемые «гильотины» — это уже заставляло думать о плохом, — а вокруг от пола до потолка лакированные сосновые планки. А ещё огромный камин, видимо, задуманный, чтобы в нём можно было спалить весь дом. Когда я сказал об этом папе, он рассмеялся.